

Книги Павла Корнева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

В соавторстве
с Андреем Кружом

**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОВОБИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РЕВЕНАНТ

РОМАН

Москва, 2020
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1200

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 Ревенант: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3032-1

Небесный эфир пронизывает все сущее и делает возможной саму жизнь, но эта незримая стихия не способна исправить человеческую природу — от сотворения мира и до наших дней люди продолжают лгать, убивать и предавать. Филипп Олеандр вон Черен тоже не образец добродетели, хоть и посвятил себя выявлению чернокожишников и адептов за пределами из числа ученого люда. Днем и ночью магистр держит под рукой покрытые колдовскими формулами пистолы и магический жезл, а его подручным не привыкать преступать закон и пускать в ход клинки и чары. Вот только оружие не в силах рассечь паутину чужих интриг. Улики пропадают, свидетели гибнут, время утекает сквозь пальцы, и все, что остается, — это следовать нитям заговора в надежде, что еще представится шанс сделать свой ход.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3032-1

Часть первая ГРАХЦЕН

ГЛАВА 1

Без суда и следствия нас не повесили. На деле подобного развития событий я нисколько не опасался, но вот риск угодить под арест был не так уж и мал, и все же нет — обошлось. В столицу королевства нас препроводили со всем почтением, пусть и под конвоем горной стражи. Именно под конвоем. Уверения командира гарнизона, будто вооруженные до зубов бородачи всего лишь отвечают за нашу безопасность в дороге, могли ввести в заблуждение разве что вконец оторванного от реальной жизни книжного червя, но никак не магистра Вселенской комиссии по этике.

Плевать! Срываться в побег в любом случае было не с руки хотя бы по той простой причине, что увенчаться успехом подобная авантюра попросту не могла. Уве еле держался в седле, беспрестанно кашлял и харкал кровью. Маэстро Салазар уверял, что школяр вот-вот пойдет на поправку, но именно это «вот-вот» меня и не устраивало. Да и нельзя было выставлять себя в неприглядном свете перед теми облеченными властью сеньорами, которые станут разбирать инцидент. При таком паршивом раскладе и в Ренмеле вздернуть могут.

О-хо-хо... Дайте, небеса, терпения и смирения! Об удаче уже даже не прошу, и так лишь чудом из Сваами ноги унес. Ну, Сильвио! Ну удружил, так удружил!

При воспоминании об официале ордена Герхарда-чудотворца в душе ворохнулась лютая ненависть, заломило левую руку. И по большому счету бесил даже не финальный промах из пистоля, а непонимание мотивов черно-красных. Нет, было предельно ясно, что целью де ла Веги являлись записи святого Луки, в которых могло говориться о создании философского камня. Не сумев раздобыть раритет в Кларне, Сильвио отправился в Регенмар и там в своих начинаниях преуспел. Мое обвинение в убийстве маркиза с последующим преследованием в горах вполне укладывалось в эту схему, покоя не давала наша первая встреча.

Что связывало официала ордена Герхарда-чудотворца и бакалавра столичного университета, ступившего на скользкую дорожку чернокнижия? И не просто ступившего, но погубившего несколько десятков человек и разворошившего полдюжины мест силы! Сильвио намеревался встретиться с этим выродком — и едва ли из одного лишь желания раздобыть некое редчайшее сочинение, как пояснил в прошлый раз.

Опять же, как угораздило очутиться в том дилижансе меня самого?

Невозможность проникнуть в подноготную всей этой дурно пахнувшей истории нагоняла тоску, да и грядущее разбирательство настроения нисколько не улучшало. Единственное, что радовало, так это погода. По мере того как мы спускались с гор, становилось все теплее и теплее, а серость скал понемногу сменялась зеленью лугов. На деревьях уже набухли почки, вот-вот должна была появиться первая листва. Вовсю щебетали пташки, и я бы с превеликим удовольствием выкинул из головы все проблемы и заботы, но куда там! Нервы звенели почти натянутых струн.

А вот маэстро Салазар демонстрировал полнейшую беззаботность. Он нет-нет, да и принимался что-то негромко мурлыкать себе под нос, а из стишков почти пропала неизменная язвительность. Бретер и не думал задирать наших конвоиров и даже перестал шпынять Уве и собачиться с Мартой. Вот только я слишком хорошо знал Микаэля и прекрасно понимал, что тот попросту ломает комедию, разыгрывая из себя компанейского пьянчугу-южанина.

Однажды вечером, когда мы остались наедине, маэстро прямым текстом предложил подпоить бойцов горной стражи и удариться в бега, но я лишь покачал головой.

— Не суетись. При некотором везении....

— Везение?! Филипп, ты предлагаешь положиться на везение?! — прошипел Микаэль, перебив меня на полуслове, и с ходу выдал:

С таким везением, как наше, на каторге ломают камень
Не от рассвета до заката, а от суда и до могилы!

Я поаплодировал ему и напомнил:

— Ученый люд неподсуден ни светским, ни церковным властям. Я — магистр Вселенской комиссии, ты — мой ассистент. Все будет хорошо.

— Мы не в империи!

— Но и не в Майнрихте и даже не в Сваами. Черно-красные не имели права нападать на нас!

Микаэль покрутил носом, немного успокоился и спросил:

— А убийство маркиза? Думаешь, герхардианцы не отступят?

Я похлопал маэстро по плечу и улыбнулся с уверенностью, которой на самом деле не ощущал.

— Поверь, все будет хорошо.

— Вспомни об этом разговоре, когда потащат на эшафот! — зло бросил Микаэль, поднимаясь из-за стола.

— Мне это не грозит, — лишь усмехнулся я в ответ.

И вот тут, надо сказать, душой несколько не покривил. Прошлый разговор с де ла Вегой оставил после себя ясное осознание, что меня прикончат при первой же возможности. Да и мои спутники — слишком неудобные свидетели, чтобы затевать судебный процесс. Мало ли кто прислушается к нашим словам? Отнюдь не все довольны усилением позиций ордена Герхарда-чудотворца в Сваами...

Маэстро Салазар лишь махнул рукой и отправился на поиски выпивки, а я крутанул четки, поцеловал святой символ и все же попросил небеса об удаче.

До столицы Грахцена оставался день пути.

Ленинцген, как именовалась столица королевства, был выстроен в долине меж отрогов Тарских гор, на берегу продуваемого всеми ветрами озера. Крайнюю оконечность далеко вдававшегося в холодные воды мыса отрезали от большой земли каналом, именно на этом рукотворном острове располагались королевский дворец, родовые гнезда знатнейших аристократических родов, монетный двор и резиденция архиепископа. Большая часть городских строений рассыпалась по берегу и окрестным холмам, сплошной стеной они обнесены не были, лишь на возвышенностях вблизи дорог высились несколько крепостей.

Сам Ленинцген показался мрачным и холодным под стать озеру. Строгие башни замков и колоколен были сложены из темного камня — то ли такового изначально, то ли обретшего подобную окраску из-за копоти. Шпили кафедрального собора от них ничуть не отличались. Нигде в лучах весеннего солнца не сверкала позолота; купола церквей выделялись зеленью

патины, и даже черепица отличалась не обычными рыжева-то-оранжевыми тонами, а была преимущественно темно-коричневой. Немудрено, что алые полотнища королевских флагов смотрелись брызгами крови — особенно когда ветер стихал и становились не видны белые семиконечные звезды.

Я придержал лошадь на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на город и раскинувшееся за ним озеро, и невольно поежился. Да еще Микаэль подъехал и негромко, специально для меня, произнес:

Город как город, но уверен вполне:
В нем нам с тобой болтаться в петле!

В ответ я лишь фыркнул и легонько сдвинул коленями бока лошади, заставляя ту тронуться с места и потрусить по дороге. Маэстро Салазар криво ухмыльнулся, сплюнул в грязь и последовал за мной. А там потянулись и остальные.

Встретили нас на таможенном посту, в который уперлась зажатая фасадами домов улочка. Какие-то из груженных товарами телег местные служащие пропускали беспрепятственно, с кого-то взимали плату, а иным и вовсе приходилось загонять повозки во двор пропускного пункта, где поклажа подвергалась самому тщательному досмотру.

Капрал горных стражников отправился доложить о нашем прибытии и вскоре вернулся в сопровождении таможенного смотрителя в форменном мундире зеленого сукна с алыми, под цвет королевскому флагу, вставками.

— Магистр вон Черен? — уточнил он на неплохом северо-имперском и предупредил: — Придется немного подождать.

Я выбрался из седла и прошелся по двору, разминая ноги. Потом резко обернулся и выстрелил в таможенника вопросом:

— Чего?

Смотритель непонимающе захлопал глазами.

— Чего нам ждать, любезный? — уточнил я свой вопрос.

Чиновник неопределенно покрутил в воздухе рукой и коротко ответил:

— Сопровождающих.

Стоило бы спросить, куда именно нас намереваются препроводить, но вместо этого я взглянул в начавшее темнеть небо и поинтересовался:

— И долго придется ждать?

Таможенный смотритель лишь пожал плечами, а маэстро Салазар с хрустом потянулся и проворчал:

— Сразу в колодки не заковали, и то хлеб...

Уве от возмущения аж закашлялся.

— За что в колодки-то?! — набычился он, сплюнув в грязь алую мокроту. — На нас напали! Мы защищались!

— Вот! — воздел я к небу указательный палец. — Устами младенца глаголет истина!

— Магистр! — обиженно протянул школяр. — Скажете тоже — младенец!

Марта осуждающе посмотрела на меня и заступилась за Уве:

— Не обижай мальчика, ему нельзя волноваться!

Школяр покраснел от смущения и уставился на ведьму.

— Ты это специально, да?

Та лишь захлопала белыми ресницами, но не сумела ввести в заблуждение относительно мотивов своего высказывания никого из нас.

— Нет женщины коварнее создания... — начал было маэстро Салазар, но сразу осекся и удивленно протянул: — Быстро они!

Я обернулся и увидел, как во двор таможенного поста в сопровождении двух слуг заезжает чернобородый и черноусый сеньор, на груди которого посверкивала благородным металлом цепь с эмблемой Вселенской комиссии по этике. Распахнутый темно-синий, с золотым позументом плащ не скрывал вычурной рукояти шпаги, с другого бока за оружейный ремень был заткнут колдовской жезл. Белобрысые охранники ритуалиста помимо палашей имели при себе длинные кавалерийские пистолы, но едва ли столь многочисленный отряд мог взять на себя роль наших конвоиров. У меня даже немного отлегло от сердца.

— Магистр вон Черен, так понимаю? — обратился ко мне коллега, в знак приветствия небрежно касаясь пальцами широкополой шляпы.

Я коротко кивнул.

— К вашим услугам...

Чернобородый сеньор ловко соскочил с лошади и представился:

— Граф Хирфельд, магистр-управляющий Вселенской комиссии по этике Грахцена.

Сохранить невозмутимое выражение лица стоило немалых усилий.

Ангелы небесные! Он так и сказал: «Вселенской комиссии по этике Грахцена!»

Вот это самомнение! Вселенская комиссия неспроста именовалась *вселенской*, она не имела делений на герцогства и королевства. Более того — магистр-управляющий столичного отделения не обладал никакой властью над своими коллегами из других городов этого же государства, те подчинялись напрямую канцлеру. Неужто здесь не так?

А граф Хирфельд тем временем вытянул из рукава свиток, развернул его и замялся. Я поспешил прояснить ситуацию:

— Позвольте представить вашему сиятельству моего ассистента маэстро Салазара и младшего клерка бакалавра Толена.

Магистр-управляющий понимающе кивнул и выжидающе посмотрел на Марту.

— Так, — неопределенно пожал я плечами, — прибудилась по дороге.

Граф скривил уголок рта, но никаких замечаний в адрес девчонки отпускать не стал, вместо этого подступил ко мне и до предела понизил голос.

— Магистр, — вздохнул он, постучав свитком по раскрытой ладони, — обязан заранее предупредить, что с этого момента я принимаю на себя полную ответственность за ваше поведение, посему любые необдуманные поступки нанесут непоправимый ущерб авторитету Вселенской комиссии.

Пару мгновений я изучал мрачное, словно бы закаменевшее от внутреннего напряжения лицо собеседника, затем уточнил:

— Под необдуманными поступками ваше сиятельство подразумевает побег?

— Ради милости небес, мы же коллеги! — воздел очи горе граф Хирфельд. — Оставьте титулование для официальных приемов, я такой же магистр, как и вы! И да — имелась в виду именно попытка скрыться от королевского правосудия.

— Даю слово... — начал было я, но граф меня тут же оборвал:

— У меня нет никаких прав требовать от вас неисполнимых обещаний, просто прошу помнить о благоразумии.

Я медленно склонил голову, и магистр-управляющий отошел к сопровождавшему нас капралу горной стражи. Они коротко о чем-то переговорили, затем свиток переключал из рук в руки, а взамен граф Хирфельд получил наши подорожные.

— Едьте, сеньоры! — поторопил он нас.

— Шевелитесь! — коротко бросил я спутникам, взобрался в седло и направил лошадь со двора таможенного поста. На улице поравнялся с графом и спросил:

— Что дальше, магистр?

Лицо Хирфельда искривила досадливая гримаса, но он моментально взял себя в руки и принялся поправлять лайковые перчатки.

— А что дальше? — ответил граф вопросом на вопрос. — Что именно вас интересует?

В голосе собеседника промелькнуло плохо скрываемое раздражение. Как ни силился он удерживать под контролем эмоции, те оказались слишком сильны.

Оно и немудрено! Меня и самого взбесила бы необходимость взвалить на свои плечи ответственность за совершенно непредсказуемую компанию авантюристов, пусть даже и коллег. Наш побег не столько нанесет урон авторитету Вселенской комиссии, сколько бросит тень на репутацию поручившегося за меня графа. Мы для него сейчас будто ручная бомба с запаленным фитилем.

Я не стал посыпать солью душевные раны собеседника и с нейтральной улыбкой поинтересовался:

— Для начала хотелось бы знать, куда мы, собственно, направляемся.

Граф бросил на меня быстрый взгляд и вновь скривил уголок рта.

— Какие будут пожелания, магистр?

Мои брови поползли на лоб.

— Даже так? — Я озадаченно хмыкнул. — Ну... время позднее, пора подумать о ночлеге. Порекомендуете хорошую гостиницу?

— Пустое! — покачал головой граф Хирфельд. — Остановитесь у меня.

— Не хотелось бы стеснять...

— Никакого стеснения, дом просторен. И прошу: не обижайте меня отказом! Моя прямая обязанность — обеспечить комфорт... и безопасность коллеги.

— Полагаете, нам грозит опасность?

— Ленингген — большой и беспокойный город, магистр.

Наглядной демонстрацией этого высказывания на улочку вывернула кавалькада до зубов вооруженных верховых; горожане моментально разбежались, спеша убраться с дороги всадников. Магистр-управляющий выпрямился в седле и прикоснулся к шляпе, приветствуя встречных. Скакавший во главе процессии седоусый аристократ ответил столь же формальным жестом, и мы разъехались.

Я обернулся и с удивлением отметил, что сопровождающие графа охранники держат ладони на рукоятках пистолетов.

— Неладно что-то в королевстве Грахцен! — донесся сзади шепоток маэстро Салазара.

Магистр-управляющий перехватил мой озадаченный взгляд и усмехнулся.

— Поверьте на слово, магистр: здесь ничего не стоит выйти из дома и сгинуть без следа. Озерные воды глубоки.

— А мое исчезновение расценят бегством от правосудия, что бросит тень на репутацию Вселенской комиссии, — понимая, продолжил я мысль собеседника, не став упоминать об уроне его собственной чести.

Граф невесело рассмеялся.

— Ваше бегство, магистр, поставит меня в крайне незавидное положение, но такое вот... исчезновение и вовсе заставит очутиться между молотом и наковальней.

Я насторожился.

— Боюсь, смысл вашего высказывания ускользает от меня, магистр.

— Маркиз цу Рогер лично выразил заинтересованность в вашем деле.

— О-о-о! — только и протянул я.

Обвинение одного из магистров в убийстве кузена великого герцога сопредельного государства просто не могло не привлечь внимания главы Вселенской комиссии, поскольку ставило под вопрос дальнейшее пребывание моих коллег в Сваами, но я и подумать не мог, что буря разразится столь скоро.

— Чему вы удивляетесь? — не разделил моего изумления граф Хирфельд. — По эфирным каналам новости расходятся со скоростью лесного пожара!

— И что же его светлость?

— Мне приказано всеми доступными средствами обеспечить свободу передвижения магистру вон Черену, — отстраненно произнес граф, — коему надлежит незамедлительно отправиться в Ренмель.

Я невольно поежился. Ясно и понятно, что в столице империи меня ждут одни только неприятности, и ничего, кроме них. И не хотелось даже думать, какое решение примет по итогам дисциплинарного разбирательства совет магистров...

Сглотнув, я поинтересовался:

— И как скоро мне выпадет возможность отбыть в империю? Уже что-то известно о предъявленных обвинениях?

Граф Хирфельд глянул в ответ с нескрываемым раздражением. Его эфирное тело явственно задрожало, это волнение получилось различить, даже не прибегая к истинному зрению.

— Сейчас не самое подходящее время для обсуждения подобных вопросов, — отрезал магистр-управляющий и прищипнул коня, разрывая дистанцию.

Я лишь хмыкнул. Ну да еще поговорим...

Дорожная грязь размеренно чавкала под копытами лошади, изредка навстречу попадались верховые, да еще то и дело приходилось обгонять кареты и телеги. Пешие горожане шагали по дощатым тротуарам и на дорогу не лезли — пусть к озеру и уходили сточные каналы, разбитое колесами повозок и подковами месиво легко могло стянуть с ног любые ботинки и даже сапоги.

Понемногу дома расступились, перестали жаться друг к другу фасадами и нависать над мостовыми крышами. Дорога расширилась, особняки отгородились от нее невысокими заборчиками и аккуратными палисадниками, тут и там начали попадаться заросшие бурьяном пустыри, загоны для скота, склады и мастерские. Очень скоро мы очутились в тихом и спокойном районе, где за каменными оградами с пиками поверху и гербами на воротах прятались в тени садов дворянские усадьбы. Улицы обезлюдели, и на глаза попадались исключительно караулившие проезды в частные владения охранники. За нами они следили с неприязнью, определенно не имевшей ничего общего с профессиональной настороженностью.

Выйти из дома и сгинуть без следа? О да! Сдается мне, в славном городе Ленингген такое действительно в порядке

вещей. И даже до озера никто не потащит, прикопают где-нибудь в укромном уголке, и все дела...

Усадьба магистра-управляющего не уступала соседним ни высотой ограды, ни основательностью ворот. На мощных створках красовался герб рода: алую левую половину отмечала черная семиконечная звезда, на белой правой раскинулись три красных птицы, очертаниями напоминавшие геральдических журавлей. Внутри нас запустили незамедлительно, графу даже не пришлось окликать охранников. Тех оказалось четверо, а караульная будка с бойницами и узенькой дверью вполне могла выдержать самую настоящую осаду.

Граф Хирфельд перекинулся парой слов с молодым ритуалистом и направился к выстроенной поодаль от двухэтажного особняка конюшне. Слуги немедленно приняли лошадей, и мы прошли в дом, где нас встретили седовласый дворецкий и троица разновозрастных детей, два мальчика и девочка.

— Супруга на сносях, — пояснил граф, снимая шляпу. — Ей позволительно пренебречь обязанностями хозяйки.

Магистр-управляющий оказался молод — не старше тридцати, — отчасти его старили густая борода и мрачное выражение, казалось, намертво прикипевшее к худому осунувшемуся лицу. Идеально завитые локоны были черными как смоль, и оттого серые глаза смотрелись слишком светлыми.

— Прошу, магистр! — указал граф на лестницу. — В вашем распоряжении весь второй этаж левого крыла.

— Удобно ли это?

— Бросьте!

Я не стал рассыпаться в благодарностях и поинтересовался:

— Когда вам будет угодно обсудить дела?

— О делах поговорим после ужина, — решил хозяин дома. — Приводите себя в порядок и спускайтесь. Вашим людям накрыть отдельно или они присоединятся к нам за столом?

— С вашего позволения, отдельно, — попросил я, не обратив внимания на злой взгляд маэстро Салазара. — Это был долгий день, им следует отдохнуть.

Граф взглянул на бледное лицо Уве и кивнул.

— Как скажете, магистр...

Второй этаж левого крыла графской усадьбы мог приютить компанию куда больше нашей; там было три опочивальни, просторная гостиная и уборная.

— И как будем размещаться? — с хитрым прищуром поинтересовался маэстро Салазар. — Кинем жребий?

— Я в одной комнате с тобой спать больше не буду, — проворчал Уве, устало плюхнулся на стул с гнутыми ножками, мягким сиденьем и резной спинкой, после добавил: — И никто не будет по доброй воле, так что все очевидно.

— Экий ты стал резкий в суждениях, братец! — с усмешкой сказал Микаэль.

— Просто вымотался.

— Отдыхай, пока время есть, — посоветовал я и, поскольку все и в самом деле было предельно очевидно, позвал ведьму: — Идем, Марта!

Приглянувшаяся мне спальня оказалась просторной и светлой, с широченной кроватью, платяным шкафом и небольшим столиком у выходившего в сад окна. Я выложил на изрядных размеров сундук чехол с мушкетом и бросил на пол саквояж. К слову, о саквояже...

Открыв дорожную сумку, я проверил замотанный в лоскут шар алхимического стекла и задумчиво поджал губы. Выкинуть бы его, но нельзя, такая беспечность точно боком выйдет. И при себе держать почти столь же безрассудно. Не важно — вырвется потусторонняя сущность на волю или кто-то знающий обнаружит ее узилище, результат меня не порадует.

— Принесли горячую воду, магистр! — послышался из гостиной голос Уве.

Я закрыл саквояж, вытащил из дорожного мешка запасную одежду и туфли, посмотрел на Марту и покачал головой. Та перехватила мой взгляд и вопросительно приподняла брови.

— Попрошу графа вызвать портного, надо сшить тебе дорожное платье.

— Серьезно? Это наша главная проблема? — скривилась ведьма. — А что там твой дружок о петле болтал?

— Повесят нас или нет, тебе новое платье в любом случае не помешает, — пожал я плечами и отправился приводить себя в порядок.

Девчонка лишь фыркнула, но промолчала, поскольку я был кругом прав. Никто не видел, как Марта зарезала брата-заклинателя, поставить ей это в вину не могли. В этих же обносках ведьма походила на бродяжку, что привлекало к нашей компании совершенно ненужное внимание. Да и в город ее в таком виде не послать, а мало ли какая надобность в том возникнет?

Пока приводил себя в порядок, прислуга успела выгладить одежду, так что к столу я спустился во вполне пристойном виде, словно и не провел без малого седмицу в дороге, ночуя то на случайных постоялых дворах, а то и просто на бивуаках под открытым небом. После беседы с домочадцами графа и весьма плотного ужина магистр-управляющий предложил подняться в его кабинет.

— Будете бренди? — поинтересовался он там.

Я посмотрел в окно и поежился при виде луны, сиявшей подобно обрезанной с одного края серебряной монете. Скоро полнолуние, еще день-два — и придет время залиться алкоголем по уши, ну а пока что я лишь покачал головой.

— Пожалуй, ограничусь вином.

— Белое или красное?

— Красное, с вашего позволения.

Граф отлучился дать необходимые распоряжения, а я прошелся по кабинету и полюбовался портретами суровых черно-волосых сеньоров, имевших несомненное сходство с хозяином особняка. Судя по нарядам, здесь были представлены несколько последних поколений благородных предков магистра-управляющего.

Проскользнувший в кабинет слуга выставил на стол откупоренную бутылку вина и вопросительно взглянул на меня, а после утвердительного кивка наполнил хрустальный бокал рубиновой жидкостью и безмолвно ретировался. Граф Хирфельд закрыл за ним дверь и со стаканом бренди занял одно из кресел у камина. Я устроился напротив и спросил:

— Как думаете, магистр, сейчас подходящее время для обсуждения перспектив моего отбытия в империю?

Собеседник скривился, будто от большого зуба.

— Вы настоящая головная боль, вон Черен, — пожаловался он. — Даже не представляете, в сколь неудобное положение меня поставило ваше прибытие...

Я невесело рассмеялся.

— Вы это говорите мне, магистр? Человеку, которого сделали козлом отпущения в убийстве кузена великого герцога Сваами?

— Вы и в самом деле его не убивали?

— Не убивал, но это ничего не меняет. В Ольсе меня ждет плаха.

— Вы не в Ольсе, — напомнил граф, отпив бренди.

И вновь я лишь фыркнул в ответ.

— Будто не понимаете, что и в Ренмеле меня не ждет ровным счетом ничего хорошего! Если в Сваами начнутся гонения на Вселенскую комиссию, с меня канцлер живьем шкуру сдерет!

— Бросьте, магистр! — вяло отмахнулся граф Хирфельд. — На роль козла отпущения могли выбрать кого угодно, вашей вины в том нет! Это же очевидно!

Я покачал головой.

— В Ренмеле меня никто и слушать не станет.

— В Ренмель вам еще надо попасть! — резко бросил магистр-управляющий. — Да, мне приказано обеспечить беспрепятственный проезд, но не все зависит исключительно от меня!

— Полагаете, нас могут... — я запнулся, припоминая соответствующий юридический термин, — экстрадировать в Сваами?

Граф Хирфельд порывисто вскочил из кресла и всплеснул руками.

— Не знаю, магистр! Просто не знаю! Отношения между нашими странами далеки от добрососедских, пограничные стычки давно стали обыденностью. Но решение о вашей судьбе будет приниматься в королевском дворце, и большой вопрос, кто возьмет верх: партия мира или партия войны!

Я кивнул и поинтересовался:

— Что-то можно предпринять?

— Все возможные действия с моей стороны уже предприняты, — объявил хозяин особняка, перехватил изучающий взгляд и выпятил нижнюю челюсть. — Да, магистр! Это именно так, ибо ваша выдача станет настоящей катастрофой и ляжет несмываемым пятном на репутацию Вселенской комиссии. Посудите сами — ну кто захочет вести со мной дела, если я не сумел отстоять своего коллегу?!

В голосе графа прозвучало нескрываемое раздражение, он отошел к окну и посмотрел в сад, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

— Я бы поставил десять против одного, что экстрадиции не будет, — глухо произнес магистр-управляющий некоторое время спустя, — но вы сами осложнили свое положение до чрезвычайности!

— Каким образом, позвольте узнать? — полюбопытствовал я.

— Стычкой с герхардианцами! — напомнил хозяин дома. — Формальным поводом для разбирательства стало убийство добрых братьев!

— Мы неподсудны церковным властям! — отрезал я. — Герхардианцы не имели права...

— Да бросьте, магистр! — перебил меня собеседник. — Разумеется, они зарвались, но стоило ли отстаивать свои права столь... яростно? Вас бы в любом случае доставили для разбирательства в Ленинген, только при этом на руках не было бы лишней крови!

Я выслушал эту сентенцию с непроницаемым выражением лица, хоть показную невозмутимость и удалось сохранить с превеликим трудом, затем спросил:

— Насколько велико влияние ордена Герхарда-чудотворца при дворе?

Граф Хирфельд неопределенно пожал плечами и, ничего на ответив на мой вопрос, в свою очередь спросил:

— По какой причине герхардианцы ополчились на вас, магистр?

Мне и в голову не пришло ответить правду, я отпил вина и развел руками.

— Понятия не имею.

— Улики должны быть весьма серьезны, раз добрые братья решились провести задержание. Если их предоставят королевскому прокурору, тому придется созвать большой трибунал...

— Улики? — Я позволил себе презрительную усмешку. — Нисколько не сомневаюсь, что мой арест требовался черно-красным для усиления своих позиций в Сваами. Или полагаете, монахи не могут быть охотниками за головами?

— Хорошо, если так, — вздохнул граф Хирфельд, но было видно, что мои слова окончательно его не убедили.

Впрочем, эту тему он счел закрытой и больше ее касаться не стал. Дальше мы обсудили какие-то насущные вопросы, а напоследок магистр-управляющий настоятельно рекомендовал не покидать после наступления темноты особняка, поскольку на ночь в сад выпускали собак.

— Местная традиция? — уточнил я с улыбкой.

— Насущная необходимость, — ответил граф с убийственной серьезностью.

После беседы с хозяином я отправился проведать Уве, но вымотавшийся за день школяр уже спал. Марта в полученной от одной из служанок ночной сорочке и чепце сидела на кровати и отработывала показанное накануне плетение, благоразумно не касаясь при этом эфира. На легкий скрип дверных петель она даже не обернулась, я немного постоял на пороге и не стал проходить в комнату, ушел в гостиную, где в одиночестве распивал вино маэстро Салазар.

— Счастлив? — поинтересовался я у бретера.

Микаэль окинул меня пристальным взглядом блестящих черных глаз и скривил в ухмылке губы.

— Счастье — это нечто большее, нежели простое удовлетворение потребности человека в выпивке, — сказал он, почесал заросшую длинной щетиной щеку и махнул рукой. — Впрочем, ты прав. Счастлив-счастлив.

Но стоило только мне усесть за стол, и показное спокойствие мигом слетело с маэстро, будто наносная шелуха.

— Каковы наши шансы отправиться на эшафот? — напрямую спросил он.

Я поморщился в ответ, но подручный одной лишь гримасой не удовлетворился, пришлось выложить все как на духу.

— Рано об этом говорить. В любом случае бегство оставим на самый крайний случай. Нашего хозяина такой исход втравит в серьезные неприятности.

— Какое тебе дело до этого хлыща? — фыркнул Микаэль. — Нет, я понимаю — парик! Облысеть всякий может, мода опять же! Но он еще и бороду подкрашивает! Представляешь?

— Да пусть хоть в женском платье ходит! — отмахнулся я. — Он магистр-управляющий! Не знаю, как обстоят сейчас дела у моих коллег в Сваами, но, если создадим проблемы Вселенской комиссии еще и в Грахцене, выйти сухими из воды уже точно не получится.

— Предлагаешь нам во имя высших интересов сложить голову на плаху, так?

— Повторяю: в бега ударимся только в самом крайнем случае. Ясно?

— Ясно-ясно, — скривился Микаэль, потянулся откинуть с лица отросшие волосы и зашипел от боли, невзначай коснувшись расчертившего лоб шрама. Тот уже затянулся, но еще оставался воспаленным и припухшим с явственными отметинами стежков. Благодаря усилиям Марты заживление проте-

кало довольно быстро, и все же полностью убрать рубец ведьма пока не могла.

Я налил себе вина из стоявшего перед маэстро Салазаром кувшина и спросил:

— Уверен, что не стоит показать Уве нормальному целителю?

— Брось, Филипп! — вяло отмахнулся помощник. — Ты же видел, что творится с его эфирным полем! Любое дополнительное вмешательство лишь усугубит ситуацию. Время. Ему нужно время.

С улицы вдруг донесся яростный лай уже спущенных с цепи псов, я подступил к окну и приставил к стеклу ладони, но ничего толком не разглядел. А только вернулся за стол, и появился граф Хирфельд.

— Магистр, вы не спите? — обрадовался он. — Отлично! Нас желает видеть барон Аренкас, королевский прокурор.

Удивлению моему не было предела.

— В столь поздний час?

Магистр-управляющий нервно рассмеялся.

— Нам ли привередничать? Я просил барона об аудиенции, и столь быстрый ответ — если не чудо, то весьма хороший знак.

Я кивнул и скомандовал маэстро Салазару:

— Собирайся, едешь с нами.

— Есть ли в этом нужда? — нахмурился граф Хирфельд.

— Лишним не будет.

Ночные поездки по незнакомому городу вполне могли обернуться перерезанным горлом или колотой раной между третьим и четвертым ребром, и я не собирался выходить из дома в компании людей, которых видел первый раз в жизни. Еще и пистолы пришлось оставить в саквояже и ограничиться кинжалом, шпагой и волшебной палочкой!

При виде магического жезла граф Хирфельд озадаченно потер висок.

— Покорнейше прошу извинить, магистр, за бестактный вопрос, но разве не вас именуют Ренегатом?

Я озадаченно посмотрел на собеседника, затем понимающе улыбнулся.

— Ах, вы об этом! Да, это мое прозвище. Все верно. Но, думаю, вы и сами замечали, сколь превосходным образом жезл удерживает простецов от необдуманных поступков и высказываний. Ведь так?

Граф Хирфельд ничего отвечать не стал. Стуча каблуками по ступеням лестницы, мы спустились на первый этаж и вышли на улицу, где нас дожидались уже взнузданные лошади. На этот раз магистр-управляющий двумя охранниками не ограничился и взял в сопровождающие полдюжины бойцов. Как видно, поездки по темным улочкам вызывали беспокойство отнюдь не только у меня одного.

Ворота распахнулись, и мы выехали в ночь. Ущербная луна заливала тянущуюся меж оград и живых изгородей дорогу серебристым сиянием, изредка впотьмах мелькали тусклые отсветы огней, а людей навстречу поначалу не попадалось вовсе. И лишь когда пригород остался позади и отряд поехал меж двухэтажных домов, с соседних улочек начали доноситься визгливые завывания скрипок и гул нестройного хорового пения, запахло подгоревшей стряпней, замелькали тени припозднившихся горожан. На перекрестках неярко мерцали заправленные дрянным маслом фонари, несколько раз слышалась переключка ночной стражи. Иногда приходилось ехать через погруженные во мрак кварталы, но никто не посмел задержать вооруженных до зубов сеньоров и там.

Центр Ленинггена оказался вымощен брусчаткой, копыта лошадей звонко зацокали по мостовой. Улицы до предела сузились, верхние этажи домов едва ли не смыкались над головами, луна потерялась за скатами крыш, стало темно; не спасали даже горевшие на углах домов светильники. Впрочем, граф Хирфельд прекрасно ориентировался в родном городе и быстро вывел нас из каменного лабиринта к набережной канала, коим в свое время отделили дальнюю часть мыса от большой земли.

Попасть на ту сторону оказалось делом не столь уж и простым. Для начала магистр предъявил полученный вместе с письмом от королевского прокурора пропуск, затем лейтенант королевских мушкетеров — а несли службу на мосту именно эти бравые вояки, — долго выискивал какое-то подтверждение в толстенном фолианте, и в итоге пропустил только меня и графа. Остальным пришлось дожидаться нашего возвращения у моста.

Магистр-управляющего такой исход вовсе не порадовал, но протестовать он и не подумал. Мы пересекли канал и поехали по узкой и весьма извилистой улочке. Окрестные строения будто тянулись к небу, и луна окончательно затерялась за ост-

роверхими фронтонами, крытыми черепицей скатами крыш и башнями. При этом всюду горели фонари, и светло было едва ли не как ясным днем.

На многих перекрестках стояли караулы королевских мушкетеров, и все же граф недовольно хмурился; он даже откинул полу плаща, заранее высвободив из-под нее рукоять пистоля, которого прежде я у него не замечал.

— Ждете неприятностей?

— В нашем славном королевстве благородному человеку невозможно не иметь двух-трех кровников, — ответил граф.

— Здесь кругом солдаты!

— Они станут глухи и слепы, если только кто-то облеченный влиянием попросит их об этом. Такое случается нечасто, но это не повод забывать об осторожности. Кенелиен безопасен лишь для тех, кому благоволят при дворце. А кто знает, как там решили разыграть вашу карту?

Мне сделалось не по себе, и я тоже расстегнул фибулу плаща.

— Кенелиен? — уточнил между делом, поправляя ножны со шпагой.

— Королевский остров, — пояснил граф Хирфельд, кинул на меня быстрый взгляд и рассмеялся. — Спокойствие, магистр! Полагаю, для начала нас все же выслушают...

Так оно и вышло. Нет, не в части «для начала», а в том смысле, что до резиденции королевского прокурора мы добрались без всяких заминок, да и в приемной нас мариновать не стали, пусть там и дожидались аудиенции полдюжины посетителей. Не иначе ночные приемы здесь были делом обычным.

Барон Аренкас оказался пожилым сеньором с крючкова-тым носом, сединой в короткой бородке и едва ли не налысо остриженной головой; роскошный парик лежал на краю заваленного бумагами стола. За стоявшей в углу конторкой сгорбился клерк, личный секретарь спешно выкладывал перед королевским прокурором какие-то документы, а тот, не отрываясь от бумаг, перевернул песочные часы и коротко скомандовал:

— Говорите!

Граф Хирфельд нервно сглотнул и попытался обрисовать ситуацию, но вельможа тут же нацелил костлявый указательный палец на меня.

— Хочу услышать рассказ из первых уст! — объявил хозяин кабинета и предупредил: — Регенмар находится вне пределов моей юрисдикции, начинайте сразу с инцидента на постоялом дворе. Какие претензии высказали вам братья-герхардианцы?

Тонкая струйка песчинок беспрестанно сыпалась из верхней колбы в нижнюю, поэтому пришлось импровизировать.

— Никаких претензий высказано не было, ваша милость. Братья не сказали мне ни слова. — Прокурор нахмурился, и я спешно добавил: — Со мной общался официал ордена, некий сеньор де ла Вега. Он потребовал незамедлительного возвращения в Сваами, а, получив отказ, попытался настоять на своем силой. Ничего не оставалось, кроме как воспрепятствовать этому беззаконию.

— А обвинение в чернокнижии?

— Послужило формальным оправданием агрессии и было высказано уже постфактум. К тому же осмелюсь напомнить вашей милости, что ученое сословие неподсудно...

Хозяин кабинета досадливо отмахнулся, заставив меня замолчать на полуслове.

— Чего добивался тот официал? — спросил барон Аренак. — Как думаете, магистр, в чем заключается интерес ордена?

Я развел руками.

— Полагаю, на столь вопиющее нарушение закона упомянутого мной официала подтолкнуло стремление получить для ордена некие политические преференции в Сваами. Грубейшая подтасовка улик, лежащих в основе моего обвинения в убийстве маркиза Альминца, позволяет заподозрить в нечестной игре отдельных представителей ордена Герхарда-чудотворца, но это лишь догадки и предположения.

— Только глупец оставит в теле жертвы клинок с дарственной гравировкой в свой адрес, — понимающе улыбнулся барон. — Но едва ли глупец сумел бы избежать ареста, ведь так?

Я лишь склонил голову в знак согласия и не сдержал облегченного вздоха, когда королевский прокурор откинулся на спинку кресла и объявил:

— В экстрадиции сеньора вон Черена отказать!

Но радость оказалась преждевременной.

— Вместе с тем, — продолжил хозяин кабинета, — орден Герхарда-чудотворца должен иметь возможность обосновать свою позицию и подтвердить выдвинутые обвинения или от-

казаться от них в случае, если нападение совершили самозванцы.

У моего спутника при этих словах натуральным образом вытянулась физиономия.

— Ваша милость, неотложные дела требуют немедленного отбытия магистра вон Черена в империю!

Королевский прокурор глянул в ответ с нескрываемой усмешкой.

— Все в ваших руках, граф. Поговорите с приором. Уверен, его высокопреподобие прислушается к доводам разума и не станет тянуть с ответом. До этого момента сеньор вон Черен не должен покидать пределы города. На этом все!

Граф Хирфельд попытался было выдавить из себя протест, но свирепый взгляд хозяина кабинета заставил его проглотить возражения, поклониться и попытаться к выходу, незаметно потянув меня за собой.

Я и не думал противиться. Разбирательство обвинений в связях с запредельем — сущие пустяки в сравнении с мучительной казнью без суда и следствия, коей неминуемо обернулась бы моя высылка в великое герцогство Сваами.

ГЛАВА 2

Разбудил пристальный взгляд. Всегда полагал такое невозможным, но прежде мне и не доводилось спать в обществе чем-то обозленной ведьмы. Контролировала свой дар Марта пока что не самым лучшим образом, незримую стихию так и перетряхивали отголоски переполнявших девушку эмоций.

— Ангелы небесные! — проворчал я, разлепляя глаза. — Теперь-то что?

Сидевшая у изголовья кровати ведьма неопределенно передернула худыми плечами, подтянула одеяло к шее и ничего не ответила.

— Обучение? — с обреченным вздохом предположил я.

— Ты обещал! — напомнила девчонка.

— Сегодня приступим помаленьку, — нехотя сказал я.

Святые небеса! Вот же навязалась на мою голову!

Ведьма глянула с явственно читавшимся в серовато-льди-стых глазах сомнением, через голову стянула ночную сорочку и прямо на голое тело надела принесенное служанкой тем-

но-синее платье, болтавшееся на ней словно на вешалке. Девчонка отошла к висевшему на стене зеркалу и попыталась привести в порядок волосы, но особо в этом не преуспела, слишком уж неровно были обстрижены серебристые пряди. Пришлось прятать их под чепец, и настроения это Марте нисколько не улучшило.

— Долго мы здесь пробудем? — спросила девчонка, старательно затягивая шнуровку платья.

— Кто бы мне это сказал, — поморщился я, оделся и отправился в уборную. Умылся, полюбовался на неровно отросшую щетину и решил, что без визита цирюльника никак не обойтись; самому оформить это убожество в некое подобие бородки нечего было даже и пытаться.

Марта разбудила ни свет ни заря, еще даже толком не рассветело, и лучи встающего солнца только-только начали заглядывать в окна особняка и подсвечивать алым плывущие по небу облака. Маэстро Салазар еще спал, а вот Уве успел продрать глаза и бледной тенью кружил по гостиной в поисках съестного. Без толку — все вчерашние объедки унесла вышколенная прислуга.

— Сейчас распоряжусь насчет завтрака, — пообещал я и присмотрелся к слуге. — Ты как?

Уве пожал плечами.

— Я в порядке, магистр.

Он тут же приложил к губам носовой платок, тщетно пытаясь скрыть рвущий легкие кашель, и я нахмурился.

— Отвары пьешь?

Школяр кивнул. Я задумчиво поскреб щеку и сказал:

— Заняться тебе все равно нечем, так что после завтрака можешь натаскивать Марту.

Уве глянул на меня с нескрываемым сомнением.

— Действительно полагаете, магистр, это хорошей идеей?

— Учить девчонку или привлекать к этому тебя?

Школяр неуютно поежился и все же на попятный не пошел.

— Первое, магистр. Но и второе — тоже.

— Первое не твоя забота. Ей теперь так и так дорога в университет, ничего не напишешь. Что касается второго, то уверен, что не нуждаешься в дополнительной практике сам?

Бледное лицо школяра прояснилось.

— А-а-а! — понимающе протянул он. — Понял. Можете на меня положиться.

— Нисколько в этом не сомневался, — холодно заявил я, спустился на первый этаж и напомнил дворецкому о завтраке, заодно сообщил о своем желании переговорить с хозяином особняка.

— Распоряжусь накрыть на стол незамедлительно, — пообещал слуга. — Его сиятельство высказывал намерение переговорить с вами перед отъездом на службу, следуйте за мной.

Граф оказался ранней пташкой; куда больше журавля на гербе ему подошел бы жаворонок. Он уже закончил разбирать подготовленные секретарем бумаги и готовился отбыть в отделение Вселенской комиссии, поэтому разговора не вышло. Магистр-управляющий скомканно уверил меня, что сегодня же встретится с приором герхардианцев, но, судя по кислому тону собеседника, сам он нисколько не верил, что это принесет хоть какой-то результат.

— Обвинения в чернокнижии просто смешны! — заявил я в сердцах.

Граф Хирфельд оспаривать этого утверждения не стал.

— Все так, магистр, — вздохнул он. — Но вот убийство четырех братьев — это уже не шутки. С учетом юридических проволочек формальное разбирательство может затянуться на месяцы, а от меня требуют переправить вас в империю незамедлительно.

— Монахи не имели права проводить арест и напали первыми! Герхардианцы ничего не добьются апелляцией к королевскому правосудию!

— Будут тянуть время в попытке сохранить лицо, — предположил граф Хирфельд. — Что-то еще, магистр?

Я попросил пригласить к нам цирюльника и портного, после справился о возможности выбраться в город для маэстро Салазара.

— Ваши слуги вольны поступать как им вздумается, — ответил хозяин особняка, — а вот вас, магистр, настоятельно прошу не покидать имения. Возможны провокации.

Меньше всего мне хотелось заполучить нож в спину, поэтому я уверил собеседника, что не имею никаких планов на этот счет, и вернулся в наши апартаменты. Микаэль к этому времени уже проснулся, занял место за столом и злобно зыркал на слуг налитыми кровью глазами. Впрочем, на Уве и Марту он смотрел с едва ли большей теплотой, да и при виде меня лишь поджал губы, не подумав поздороваться. Дурное настроение

маэстро объяснялось тем простым фактом, что к завтраку не подали ни вина, ни любых иных горячительных напитков.

— Похмелишься в городе, — успокоил я помощника.

Микаэль глянул на меня свысока, зло кинул вилку на фарфоровую тарелку и без малейшей заминки на одном выдохе выдал:

— Сушит глотку мертвой хваткой утра злобное явление, шарит пальцами в глазницах, потроха узлами вяжет. Ну скажите, право слово, как же тут не похмелиться, если шаг до табурета и петля под люстрой манит, легкий выход обещаю?!

Я указал на дверь его комнаты.

— Вперед. Там тебя заждались. Будут рады.

Маэстро Салазар хрипло рассмеялся.

— Филипп! Ты же изучал словесность, неужто позабыл о гиперболах и аллюзиях?

— Гиперболы и аллюзии хороши как приправа, а не как основное блюдо.

— Темнота! — только и бросил Микаэль.

Завтрак прошел в теплой и дружеской атмосфере. Никто не произнес больше ни единого слова.

Когда прислуга унесла грязную посуду, Марта попыталась было напомнить о недавнем обещании позаниматься с ней, но я лишь отмахнулся.

— Позже! — затем обернулся к насупленному Микаэлю, весь завтрак которого составил единственный тост с кусочком сыра, и попросил: — Разузнай, что сможешь, о нашем гостеприимном хозяине и здешней миссии герхардианцев. Только на вино не налегай и не вздумай ввязаться в дуэль.

Маэстро Салазару точно было что ответить на мои увещевания, но он наступил на горло собственной гордости и напомнил:

— Лучше всего языки развязывает звонкая монета.

— Спорное утверждение, — пробурчал я, сходил в комнату и выложил на стол все свои кошельки.

Грядущий визит портного должен был изрядно их облегчить, пришлось напомнить подручному о жемчуге маркиза Альминца.

Микаэль ухмыльнулся и выудил из-под камзола бархатный мешочек с приметным вензелем, вышитым золотой нитью. Со стороны де ла Веги было весьма любезно подкинуть мне столь ценную улику...

Я задумчиво хмыкнул и разгладил пальцами вензель маркиза Альминца. Улика, значит?

Маэстро Салазар оценил охватившую меня задумчивость и подался вперед.

— Филипп, ты сейчас похож на кота перед кринкой сметаны! Выкладывай, что на уме!

— Прежде чем идти к ювелиру, купи коричневый бархатный берет с фазаньим пером и серьгу с зеленой стекляшкой. Поищи с зажимом, чтобы мочку не прокалывать. Ну или проколи — тебе виднее. Весь жемчуг не продавай, оставь пару штук, и мешочек тоже придержи...

Микаэль сразу все понял и фыркнул.

— Думаешь, кто-то спутает меня с де ла Вегой?

— Для местных все южане на одно лицо, не переживай. Главное, беретом шрам на лбу прикрой и про серьгу не забудь. Сейчас придет цирюльник, объясню ему, как именно тебе укоротить усы и щетину в намек на бородку оформить.

— Усы — что? — уставился на меня маэстро Салазар, раздвувшись словно индюк. — Укоротить?! Ты в своем уме, Филипп?! Это просто неприлично!

— Четверть вырученной за жемчуг суммы оставишь себе, — подсластил я пилюлю.

Микаэль мигом успокоился и выставил встречное условие:

— Половину! Четверть и так по праву моя!

— Треть! — легко пошел я на не слишком значительную уступку и предупредил: — Только обязательно оформи купчую на имя Сильвио де ла Веги...

— Это ведь не его настоящее имя!

— Не важно. Он пользовался им — это главное. И да! В идеале стребуй с ювелира вексель или долговую расписку на имя все того же де ла Веги. В городе наверняка есть представительства Банкирских домов Золотого Серпа, арендуй ячейку в одном из них, оставь в ней мешочек с парой жемчужин и получи деньги.

Маэстро понимающе хмыкнул. Я ответил недоброй ухмылкой, хоть пока еще не знал наверняка, кого и как наведу на купчую и мешочек с приметным вензелем. Но за этим дело точно не станет! Вот тогда и начнет обрастать уликами моя собственная версия убийства маркиза Альминца. В затеянную сеньором де ла Вегой игру вполне можно играть вдвоем, и мы еще посмотрим, кто из нас более ловкий шулер!

Долго в приподнятом настроении мы с Микаэлем не пробыли. Маэстро Салазара безмерно расстроили последствия визита цирюльника, меня с небес на землю спустил портной. И если обстриженные усы помощника отрастут без каких-либо дополнительных усилий, то золото в кошелях само собой не прибавляется. Помимо дорожного платья и мужского костюма для Марты пришлось потратиться и на Уве. Заказал ему новые штаны, шерстяной жилет и пару сорочек, так что сумма итогового счета получилась более чем существенная.

— Не стоило, магистр, — проворчал смущенный этими тратами школяр, но я лишь отмахнулся. Если куртку удалось худо-бедно оттереть от крови, то распоротая и заштопанная рубашка потеряла всякий вид; ей была прямая дорога в половые тряпки.

— Ты клерк Вселенской комиссии и вид должен иметь соответствующий! — напомнил я, выкладывая на стол изрядно полегчавшие кошель. От выданных некогда архиепископом Фредриком двадцати пяти талеров не осталось ни пфеннига, ладно хоть из врученных им же голдгульденов я потратил всего три, да еще удалось сберечь пяток далеров из тех, которыми откупился мэтр юриспруденции в Регенмаре. И вот еще...

Я отвлекся на подступившую к столу Марту и нахмурился.

— Чего тебе?

— Ты обещал...

— Хватит! — рявкнул я. — Не видишь, я занят?! Не стой над душой!

Девчонка обиженно поджала губы и отошла, но мне было не до сантиментов, в голове шел подсчет наших сбережений. К уже высыпанному на стол золоту и серебру добавилось вознаграждение за решение проблемы с разгромленной таверной, и финансовое положение понемногу перестало видеться исключительно в мрачных тонах. Магистр Кирг до выплаты моей доли нелепыми медными квадратиками опускаться не стал, а полсотни марок — это ни много ни мало два десятка талеров имперской чеканки. Итого по приблизительным подсчетам расставленные в столбики серебряные и золотые кругляши тянули на семьдесят талеров. С точностью до крейцера привести разнокалиберные монеты к единому знаменателю мог разве что профессиональный меняла, но какой-никакой опыт в этих делах у меня имелся; если ошибся, то не слишком сильно.

Семьдесят талеров! Невероятная сумма для семейства кметов, но не для четверки путешественников, которым предстоит пересечь всю империю с запада на восток. К тому же не стоило забывать о срезанных краях и естественных потерностях, да еще после пристального изучения я распознал в двух побитых жизнью марках фальшивки: из-под стершегося слоя серебра проглядывала медная основа.

— Магистр!

На этот раз от подсчетов меня отвлек Уве. Он выложил на край стола учебник по работе с магическим жезлом, немного помялся и сказал:

— Он мне больше не нужен. Хочу продать и рассчитаться за одежду.

Учебник был снабжен весьма подробными иллюстрациями; даже потрепанный и зачитанный едва ли не до дыр, он стоял никак не меньше двух дюжин талеров, но я не успел освоить и половины описанных в книге техник, поэтому лишь коротко бросил:

— Забудь! — впрочем, сразу смягчился и продолжил уже не столь резко: — Уве, это моя обязанность — обеспечивать тебя всем необходимым, понимаешь? Если нужны деньги, я выкуплю у тебя учебник, но лучше не сейчас. Хорошо?

Пусть виду я постарался и не подать, но готовность слуги расстаться с самым дорогим своим имуществом произвела неизгладимое впечатление.

Святые небеса! Ох уж мне этот юношеский максимализм!

Уве принял ответ как должное и пожал плечами.

— Как скажете, магистр. Я просто подумал...

— Просто подумал? Это от избытка свободного времени, — заявил я и потребовал: — Принеси жезл!

После ранения Уве строго-настрого запретили усердствовать в работе с небесным эфиром, поэтому он лишь недоуменно захлопал глазами.

— Зачем?

— Неси! — потребовал я и позвал: — Марта! Иди сюда!

Ведьма быстро вышла в гостиную и с интересом уставилась на меня. Я указал ей на дальнюю стену и потребовал:

— Встань там и начинай медитировать, — а когда вернулся Уве, велел ему переложить жезл в левую руку и построить магический щит размером два на два локтя. — Только не накачивай его силой, — предупредил я школяра, когда тот на пробу махнул волшебной палочкой. — Просто сплети эфирную основу!

— А-а-а... — опешил школяр. — Но...

— Во-первых, тебе нельзя перенапрягаться.

— Я уже в порядке! — возразил Уве и немедленно закашлялся.

— Во-вторых, на сегодня твоя первоочередная задача — разработка левой руки. Поэтому никакой накачки счита силой, уяснил?

Школяр растерянно кивнул и принялся неловкими движениями создавать основу плетения. Работая он десницей, сотворил бы столь немудреное защитное заклинание в несколько касаний эфира, а так умудрился порвать две нити и не до конца затянуть ключевой узел, поэтому был вынужден развязать щит и начать все заново. Прежде Уве держал волшебную палочку в левой руке лишь во время фехтовальных поединков с маэстро Салазаром, а там было не до тонкой работы, оперировать приходилось едва ли не чистой силой.

Пока мои подопечные занималась приготовлениями к уроку, я ссыпал разложенные на столе монеты в кошель и унес их в спальню, а взамен прихватил невзрачный томик «Размышлений о нереальности нереального» Алфихара Нойля, откинул его обложку и полюбовался затейливым экслибрисом. Стоило бы вырвать первую страницу и спалить ее во избежание проблем с законом при возможном обыске, но преступным было обладание еретическим сочинением само себе, поэтому с этим решил не торопиться.

— Все готово, магистр! — объявил Уве.

Я оторвался от книги и скомандовал Марте:

— Расплети основу счита!

Девчонка недоуменно захлопала глазами, пришлось снизойти до объяснений:

— Кто говорил, что не умеет преодолевать магическую зашиту? Так упражняйся, пока есть время!

— Но я действительно не умею!

Я поднял руки и пошевелил пальцами.

— Вперед!

Марта подошла к Уве, замерла в нескольких шагах от школяра и неуверенно поежилась. Я не задействовал истинное зрение, поэтому не мог оценить структуру использованного слугой плетения, но едва ли то было слишком сложным, и все же попытка разрушить чары оказалась неудачной. Сверкнула ту-

ская вспышка, ведьма отшатнулась и принялась дуть на обожженные пальцы.

— Филипп? — обернулась она ко мне.

— Действуй! — приказал я.

Но без толку. Следующие три подхода завершились столь же болезненными выбросами силы, как и первый.

Поначалу Уве самодовольно улыбался, затем не выдержал и обратился ко мне:

— Магистр! Подобным образом повлиять на чужое плетение невозможно!

В серых глазах Марты стояли слезы. Она пришла к аналогичному выводу, но признавать невозможность выполнить данное наставником поручение не спешила. Стояла, молча хлопала ресницами и собиралась с решимостью повторить попытку, пусть даже та и была обречена на неудачу.

Пришлось несколькими тягучими вдохами погрузиться в легкий транс и оценить структуру щита, дабы подсказать Марте наиболее простое решение проблемы.

— Не пытайся рвать нити, без должной подготовки из этого ничего не выйдет. Просто распусти плетение.

— Но как? — в один голос выдали мои подопечные.

— Так же, как распускают вязаные вещи. Отыщи конец эфирной нити!

Жезлом осуществить столь искусное воздействие было чрезвычайно сложно, но истинные маги способны воздействовать на незримую стихию собственными руками, а пальцы — инструмент несравненно более тонкий, нежели любая волшебная палочка. Самым сложным для Марты оказалось отыскать кончик нити, а потом она дернула ее, и плетение рассыпалось.

— Ух ты! — только и выдал изумленный школяр.

— Создавай щит заново! — сказал я, возвращаясь за стол. — Но не меняй структуру и не накачивай ее силой.

— Но если затянуть финальный узел...

— Внесешь изменения, когда она начнет разрушать щит за два удара сердца! — отрезал я и погрузился в чтение.

Уве и Марта упражнялись до самого обеда. Школяр изощренно прятал кончик эфирной нити, ведьма выискивала ее и разрушала плетение, но пока что и близко не приблизилась к заявленному мной «двум ударам сердца». Возилась она всякий раз куда дольше, чем дал бы ей время в реальной схватке мало-мальски опытный противник.

Мой слуга особенно не утруждался, большей частью используя стандартные слабосильные схемы, и даже так к концу занятия его лицо раскраснелось, а лоб покрыли бисеринки пота. Я внимательно изучил его эфирное тело и после трапезы выгнал на свежий воздух, наказав гулять по имению никак не меньше часа. За время его отсутствия я попытался поставить Марте технику работы с незримой стихией, но особыми успехами девчонка похвастаться не могла. Если воздействовать на чужие чары у нее получалось отлично, то сплести эфир должным образом ведьма почти не умела. Мешало отсутствие полноценной теоретической базы и проблемы с самоконтролем.

— Медитации! — наставительно произнес я по окончании занятия. — Не пренебрегай медитациями!

А после с разрешения дворецкого отослал Уве и Марту в библиотеку графа, велел брать книги для чтения по своему усмотрению. Сам же вернулся к изучению «Размышлений о нереальности нереального», и, надо сказать, слог досточтимого Нойля вкупе с заковыристым почерком переписчика очень скоро начал вгонять меня в сон. С четверть часа я клевал носом, затем сдался и прямо в верхней одежде завалился на кровать. Еретический трактат был не особо объемен, ознакомление с ним не займет много времени, а вот послеобеденный сон — это святое.

В итоге я проспал до самого вечера; сказались накопившаяся усталость и нервотрепка последних дней. Вчера, как услышал об отказе в экстрадиции, сразу от сердца отлегло, а сегодня на свежую голову сообразил, что меня и жернова правосудия Грахцена замечательно перемолоть могут. Окажется у приора черно-красных влияния при дворе больше, нежели у магистрат-управляющего здешнего отделения Вселенской комиссии, и начнут нам кишки мотать судейские. В переносном смысле — мотать, но так и так приятного мало. Да и Сильвио де ла Вега условностями закона не ограничен, мало ли какую пакость выкинет? С мишенью на спине жить — приятного мало...

Так что встал я не особо отдохнувшим и отнюдь не в лучшем расположении духа, а вот Микаэль из города вернулся в меру пьяным и не в меру веселым. С собой он притащил пару кувшинов вина; не забыл и про меня, презентовав небольшую бутылку грушовицы.

— Скоро полнолуние, помню-помню! — заговорщицки подмигнул бретер и кинул на стол солидно звякнувший кошель, после добавил к нему еще два. — Сделал все, как обговорили.

— И даже больше! — ворчливо заметил я, сунув палец в новую прореху плаща подручного. Рассекший ткань удар не пропорол бок, пожалуй, лишь чудом.

— Филипп, ты не представляешь, какие они тут нервные! — беспечно рассмеялся маэстро Салазар.

Я его легкомысленного тона не подхватил и холодно хмыкнул.

— Да неужели?

— Сам я на дуэль не нарывался, если ты об этом! — ответил Микаэль и потребовал: — Деньги пересчитай!

Не на шутку разобидевшись, маэстро откупорил один из кувшинов, наполнил бокал вином и немедленно его вылакал, и не подумав угостить меня.

— Налей! — пошел я на мировую, поскольку вразумлять помощника было пустой тратой времени; горбатого могила исправит.

Пока Микаэль возился с кувшином, я распустил тесемки первого из кошель и высыпал на стол пригоршню небольших по размеру монет, отливавших благородной желтизной. Разные гербы, разные надписи, но на всех до единого — изображение пророка. Дукаты.

Да оно и понятно: банкирские дома Келуи, Медьяно и Зальяни предпочитали рассчитывать с клиентами именно золотом, которое было на севере в большой цене еще со времен старой империи, а в наши дни безостановочным ручейком текло в руки предприимчивых дельцов с островов Солнечного архипелага. Что удивило, так это вырученная за жемчуг сумма. На первый взгляд в кошеле оказалось никак не меньше пяти дюжин монет.

Микаэль отпил вина и подтвердил мою догадку:

— Жемчуг был отборный, один к одному. Уж не знаю, насколько облапошил меня ювелир, получилось выжать из него по пятнадцать монет за штуку. Итого...

Маэстро Салазар запнулся, припоминая общую сумму, и я подсказал:

— Сто восемьдесят дукатов. Надо было часть суммы взять серебром.

Микаэль только руками развел.

— Ну извини, мог предупредить заранее!

— Не подумал, — вздохнул я и кинул подручному один из увесистых кошель. — Держи. Твоя доля. Только все сразу не спускай. До Ренмеля путь неблизкий.

Маэстро Салазар отсалютовал мне стаканом, мы выпили вина, и я отсчитал дюжину золотых дукатов, а остальные вернул в кошель и затянул тесемки. После разделил монеты на две равные стопки, намереваясь одарить ими Уве и Марту, и приступил к расспросам.

— Что говорят в городе?

— В городе? — вскинулся Микаэль. — Да это не город, а натуральное змеиное кубло! Ты только посмотри на мой плащ! Посмотри-посмотри! Я ведь никого не цеплял, даже шуточки о бороде мимо ушей пропускал! Точно-точно! Меня зарезать хотели!

— Грабители?

— Какой! — всплеснул руками маэстро Салазар. — Еще до визита к ювелиру зашел промочить горло в одно заведение, и сразу — драка! А ведь не трогал никого и даже косо не взглянул. Я был добр и благостен, поверь!

Я поверил и потому предположил:

— Думаешь, проследили от имения?

— Да нет, говорю же: кубло! — выдал Микаэль и пояснил: — Тут все друг с другом на ножах, понимаешь? Этот твой граф, к слову, от остальных несколько не отличается. А меня за бретера на чьей-то службе приняли. У южан репутация вполне определенная сложилась, вот и решили на зуб попробовать.

Как оказалось, дворянские семейства Грахцена связывали не только кровные узы, но и кровная вражда. Правящая династия искусно играла на отношениях аристократов, исподволь стравливая их между собой, стычки в городе и даже нападения на чужие родовые гнезда были делом обычным и привычным. Очень условно можно было выделить три коалиции, при этом среди союзников шла ничуть не менее жесткая борьба за власть, просто вместо шпаг и пистолей в ход шли интриги и яды.

— Твой граф... — Микаэль отвлекся хлебнуть вина, вытер губы ладонью и продолжил: — Он из *журавлей*, но помимо всего прочего его прадед был бастардом тогдашнего монарха, причем бастардом признанным. В нашем хозяине течет королевская кровь.

— Черный святой символ! — Я вдруг сообразил, что именно означает наличие на гербе этого геральдического элемента. — У правящей династии звезда белая, бастарда поместили черной!

— Черной... — с непонятной усмешкой произнес маэстро Салазар. — Помнишь, я говорил, что граф подкрашивает бородку? Так вот, нынешний король, как и все его предки до какого-то там колена, — черноволосые, а магистр — шатен. Приходится бедолаге мучиться с париком и краской, дабы соответствовать венценосным родичам. Печаль-печаль.

Я посмеялся.

— Ничего смешного, — цокнул языком Микаэль. — Только за последний год на имение нападали дважды и было еще несколько стычек в городе. Графа полагают выскочкой, а его выбор ученой стези — проявлением слабости. Нравы здесь простые до безобразия.

— И все это ты узнал в первом попавшемся кабаке?

— Что значит — в первом попавшемся? — фыркнул маэстро Салазар, сдвинув на край стола опустевший кувшин. — Специально искал, где наемный люд собирается. Эта публика, сам понимаешь, ни один слух не пропустит. Иной раз сплетня жизнь спасти может, а то окажешься не на той стороне — и пока-пока.

— А сцепился с кем?

Маэстро Салазар лишь отмахнулся, я настаивать на ответе не стал и вместо этого спросил о герхардианцах.

— В здешней миссии ордена помимо приора полдюжины послушников и ловчий с парой братьев на подхвате. Несерьезно.

— Ну хоть так, — вздохнул я, раскрыл еретическое сочинение, но приступить к чтению помешал заглянувший в гостиную дворецкий. Его сиятельство приглашал спуститься на ужин.

Граф Хирфельд был мрачен словно туча, его домочадцы боялись и слово вымолвить, трапеза прошла в гробовой тишине. После хозяин имения пригласил меня в кабинет и посетовал на отсутствие каких-либо подвижек в деле.

— Увы, магистр, пока порадовать вас нечем.

— Приор намерен начать разбирательство?

— Приор еще не знает, будут разбирательства или нет, — с кислой улыбкой ответил граф. — Более того — он затруднил-

ся с ответом, пытались задержать вас братья или напали самозванцы.

— Боюсь, ничего не понимаю, — опешил я.

— Да что тут непонятного? — всплеснул руками магистр-управляющий. — Попытка вашего задержания возмутительна! Пусть разбирательство и затянется на долгий срок, но в результате действия герхардианцев неминуемо признают незаконными, а это грозит отзывом монаршего дозволения на открытие миссии. Но даже если до этого и не дойдет, репутационные потери будут катастрофичными! Понимаете, о чем я?

— Будет создан прецедент, — ввернул я юридический термин, и мой собеседник кивнул.

— Уверен: приор станет всеми правдами и неправдами тянуть время, ссылаясь на собственную неосведомленность и отсутствие ответа из Линбурга, — заявил граф Хирфельд, и на его осунувшемся лице заходили желваки. — Рано или поздно этой игре придет конец, но это все время! От меня требуют переправить вас в империю незамедлительно, а я не представляю, как подвигнуть прокурора изменить свое решение и дать санкцию на скорейший отъезд!

Я не знал всех политических раскладов, но прекрасно понимал, что в делах, подобных этому, случайностей не бывает. У королевского прокурора имелись собственные резоны поступить так, а не иначе. Быть может, он просто хотел насолить магистру-управляющему, а может статься и так, что все это — результат неких подковерных интриг.

Ангелы небесные! Сам я с легким сердцем задержался бы в доме графа еще на седмицу или две, да только глупо недооценивать герхардианцев. Они точно не упустят возможности решить проблему... неофициальными методами. Здешняя миссия невелика, но наше промедление позволит выписать подкрепление из Сваами или даже Майнрихта, а то и просто столкнуться с наемниками.

— Ладно! — вздохнул граф Хирфельд, понемногу успокаиваясь. — Ладно! Не берите в голову, магистр. Что-нибудь непременно придумаю.

Мы распрощались, и я вернулся в выделенные нам покои. К этому времени Уве и Марта разошлись по комнатам, и только маэстро Салазар сидел за столом и планомерно накачивался вином.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ГРАХЦЕН	5
Часть вторая. ВЕСЛАНД	74
Часть третья. РИЕР	141
Часть четвертая. УЛЛИМОНТИС	253
<i>Эпilog</i>	339